

**Е.А. Тюрин,
Е.Н. Савинова,
М.В. Левочкина**

**E. Turin,
E. Savinova,
M. Levochkina**

**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ
ДИЗАЙН
ШОТЛАНДСКОГО
НАЦИОНАЛИЗМА
В УСЛОВИЯХ
ТРАНСФОРМАЦИИ
ТРАДИЦИОННОЙ
ГОСУДАРСТВЕННОСТИ**

**ETHNOPOLITICAL DESIGN
OF SCOTTISH
NATIONALISM IN
CONDITIONS OF
TRANSFORMATION
TRADITIONAL
STATEHOOD**

Аннотация

В статье ставится вопрос о теоретической и практической значимости научного осмысления национализма в связи с актуализацией националистической повестки во многих регионах современного мира. Исследовательской целью авторы избрали осмысление эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма, развивавшегося под влиянием общеевропейского процесса трансформации традиционной государственности. Теоретико-методологической основой статьи стали: социокультурный подход; концепция «государства-члена»; методы совмещения социологической и институциональной парадигм, системного и сравнительного анализа.

Рост политического влияния националистических сил во многих странах (в том числе, Шотландии) объясняется тем, что национализм продолжает сохранять потенциал катализатора возникновения новых моделей регионализма. В мире стали проявляться изменения традиционной государственности, современная политико-институциональная модернизация которой обусловлена вытеснением исторических форм национально-государственного суверенитета глобалистским наднациональным управлением, функционирующим в условиях

Abstract

This article raises the question of the theoretical and practical significance of the scientific understanding of nationalism in connection with the actualization of the nationalist agenda in many regions of the modern world. The authors chose as their research goal to understand the evolution of the ethno-political design of Scottish nationalism, which developed under the influence of the pan-European process of transformation of traditional statehood. The theoretical and methodological basis of the article was: sociocultural approach; concept of "member state"; methods of combining sociological and institutional paradigms, systemic and comparative analysis.

The growth of the political influence of nationalist forces in many countries (including Scotland) is explained by the fact that nationalism continues to retain the potential to catalyze the emergence of new models of regionalism. 2. Changes in traditional statehood have begun to appear in the world, the modern political-institutional modernization of which is due to the displacement of historical forms of national-state sovereignty by globalist supranational governance, operating in the conditions of the crisis of neoliberalism and the imposition of cosmopolitan democracy. Against the backdrop of the crisis of neoliberalism, Scottish

кризиса неолиберализма и насаждения космополитической демократии. На фоне кризиса неолиберализма шотландские националисты в борьбе за национально-территориальное самоопределение прибегли к евроинтеграционной космополитической стратегии, создав противоречие между национализмом и еврофильством, неотделимым от дефицита демократии и продвижения интересов наднационального глобалистского бизнеса. Итог – снижение популярности SNP в шотландском обществе.

Процесс передачи полномочий в Великобритании оказался схожим с процессом антидемократического воздействия ЕС в отношении государств-членов – наметилась институциональная трансформация, предполагающая навязывание рассредоточенной, многоуровневой структуры подотчетности, подрывающей традиционные модели национальной государственности. Этнополитический дизайн шотландского национализма формировался в непростых условиях трансформации традиционной государственности, а современные подходы руководства SNP к стратегии борьбы за национально-территориальное самоопределение Шотландии свидетельствуют о наметившихся существенных изменениях в нем. Шотландия остается страной-регионом, где продолжается борьба за национально-территориальное самоопределение и сохраняется движение за устранение дефицита демократии.

Ключевые слова:

государственность, этнополитическая идентичность, национализм, Шотландия, суверенитет, Шотландская Национальная Партия.

nationalists, in the struggle for national-territorial self-determination, resorted to a European integration cosmopolitan strategy, creating a contradiction between nationalism and Europhilism, inseparable from the deficit of democracy and the promotion of the interests of supranational globalist business. The result is a decline in the popularity of the SNP in Scottish society.

The process of devolution in the UK turned out to be similar to the process of anti-democratic influence of the EU in relation to member states - there has been an institutional transformation that involves the imposition of a dispersed, multi-level accountability structure that undermines traditional models of national statehood. The ethnopolitical design of Scottish nationalism was formed in the difficult conditions of transformation of traditional statehood, and the modern approaches of the SNP leadership to the strategy of the struggle for national-territorial self-determination of Scotland indicate significant changes have emerged in it. Scotland continues to be a country-region where the struggle for national-territorial self-determination continues and the movement to eliminate the democratic deficit continues.

Key words:

statehood, ethnopolitical identity, nationalism, Scotland, sovereignty, Scottish National Party policy.

<https://doi.org/10.24412/2227-1538-2024-4-154-172>

Вопрос о необходимости научного осмысления национализма (как политической идеологии и практики) приобретает в наши дни особую теоретическую и практическую значимость. Наметившиеся в мире тенденции говорят о вступлении человечества в эпоху националистического ренессанса. Об этом свидетельствует характер и охват распространения националистической повестки. Поэтому любая попытка анализа проявлений национализма в

отдельных странах мира должна приветствоваться ввиду ее очевидной актуальности. В предлагаемой статье целью стало осмысление эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма, развивавшегося под влиянием общеевропейского процесса трансформации традиционной государственности. В этой связи были определены некоторые задачи: рассмотрение основных этапов политико-институциональных изменений традиционной государственности в контексте кризиса неолиберализма; определение причин, по которым традиционные национальные государства с суверенитетом и этнополитической идентичностью оказываются под воздействием транснациональных требований подчинения глобалистскому «мировому порядку»; выявление факторов роста политического влияния национализма; рассмотрение противоречий, проявляющихся между еврофильством (как частным случаем глобалистской идентичности) и идеями борьбы за национально-территориальное самоопределение. Решение этих задач, затрагивающих довольно широкое предметное поле изучения, мы локализовали в этнополитическом пространстве Шотландии/Великобритании, делая акцент на эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма и придерживаясь, тем самым, намеченной цели.

Оживление интереса экспертного сообщества к национально-территориальному устройству Великобритании и этнополитической повестке шотландских националистов проявилось на фоне результатов референдума о выходе Соединенного Королевства из Европейского Союза (ЕС). В ходе референдума 68% голосов шотландских избирателей были отданы за сохранение членства Великобритании в ЕС. Этот факт SNP, доминирующая в Парламенте Шотландии, активно использует сегодня, чтобы подчеркнуть глубину расхождений Эдинбурга с Лондоном, а также представить положительный образ шотландцев как нации с доминирующей европейской (или, даже, космополитической) идентичностью. Впрочем, представители политической социологии, такие как Н. Дэвидсон, М. Лиинпяя, М. МакБрайд, Н. Меер и другие, уже давно критикуют подобные идеологемы SNP [12; 36]. Псефологи Дж. Куртис и Д. МакКрон также задаются вопросом, действительно ли шотландские избиратели более благосклонны к ЕС [9], или это сиюминутное этнополитическое проявление национального протеста шотландцев против английского правления. Эту критику следует сопоставлять с некоторыми другими моментами. Так, несмотря на сложность основополагающих этнополитических настроений шотландских избирателей, межпартийный консенсус элиты в Шотландии оказался в подавляющем большинстве еврофильским. В данном контексте еврофильство можно рассматривать как тактику легитимации, используемую конкурирующими элитами для достижения целей тех или иных групп интересов. Впрочем, как верно отмечает Д. Торренс, даже это не может пролить свет на вопрос о том, каким образом Шотландия превратилась из наиболее евроскептического субъекта Соединенного Королевства –

в еврофильский [42]. На наш взгляд, в этом процессе явно наблюдалась эволюция взаимодействия этнополитической элиты с общественными настроениями. К реальному же усилению шотландского еврофильства привели, все-таки, разногласия между юнионистами, деволюционистами и националистами по поводу институционально-правовых форм национально-территориального самоопределения Шотландии.

Шотландский пример способен пролить свет и на более глобальные вещи, касающиеся причин современных трансформационных изменений традиционных форм национальной государственности. Это обстоятельство объясняет актуальность заявленной темы.

Теоретико-методологической основой проведенного нами анализа стал социокультурный подход (позволивший рассматривать этнополитическое пространство в контексте современных наднациональных и национальных процессов с учетом социокультурного фактора); метод совмещения социологической и институциональной парадигм (примененный при рассмотрении конкретных акторов этнополитического процесса); метод системного анализа (использованный при осмыслении шотландского национализма, развивающегося под влиянием многослойной шотландской идентичности и других внутренних факторов); сравнительный метод (применялся для осмысления этапов эволюции шотландского национализма и особенностей его проявления в этнополитическом процессе). Отдельно следует отметить концепцию, рассматривающую новую разновидность современного государства, обозначаемого понятием «государство-член» (ее использование позволило исследовать факторы и механизмы трансформации традиционной государственности национальных государств под влиянием евроглобалистской интеграционной динамики).

Рост политического влияния националистических сил во многих странах (в том числе, Шотландии) объясняется тем, что национализм продолжает сохранять потенциал катализатора возникновения новых моделей регионализма. В мире стали проявляться изменения традиционной государственности, современная политико-институциональная модернизация которой обусловлена вытеснением исторических форм национально-государственного суверенитета глобалистским наднациональным управлением, функционирующим в условиях кризиса неолиберализма и насаждения космополитической демократии. На фоне кризиса неолиберализма шотландские националисты в борьбе за национально-территориальное самоопределение прибегли к евроинтеграционной космополитической стратегии, создав противоречие между национализмом и еврофильством, неотделимым от дефицита демократии и продвижения интересов наднационального глобалистского бизнеса. В итоге, шотландский национализм, предлагавший моральную дистанцию от Вестминстера, дававший шотландцам надежду на стабильность без потрясений

Brexit, и привлекательный для либерализованного среднего класса Шотландии, оказался в ситуации снижения популярности самой SNP.

В рамках научного дискурса часто высказывается мысль о том, что ЕС работает не как наднациональное образование, а скорее, как механизм изоляции национальных элит от их претензий на государственную власть [8; 23]. Следовательно, меняются механизмы сделки между традиционными национальными государственными институциями и иными политическими субъектами конкретных стран, в результате чего центр принятия решений смещается на уровень транснационального управления.

Исходя из этого вывода, может показаться, что пример Шотландии противоречит критериям «государства-члена»: гражданская мобилизация в данной стране-регионе в ответ на Brexit была нацелена на восстановление условного шотландского национального суверенитета путем повторного присоединения к ЕС. Действительно, такой подход все чаще становится ключевым у оппозиционных сил, выступающих против наднациональной власти Лондона. Однако анализ этнополитического развития Шотландии раскрывает, по нашему мнению, более сложную картину. Шотландский этнополитический курс на независимость предстает как довольно противоречивый ответ на постнеолиберализм и кризис традиционной государственности.

Несмотря на то, что еврофильство оказалось полезным инструментом для конкурирующих сил в Шотландии, оно было преломлено сложившимся дефицитом демократии и требованиями восстановления суверенитета, привлекательными для разочарованных избирателей. Впрочем, необходимо сделать два дополнения, чтобы объяснить случай Шотландии. Во-первых, национальный суверенитет имеет сложную связь со своим государственным институциональным оформлением [15; 41]. Поэтому шотландский этнополитический курс на национально-территориальное самоопределение часто имел договорные отношения с Лондоном. Во-вторых, кризис традиционной национальной государственности выходит за рамки непосредственного вопроса о членстве в ЕС как Шотландии, так всей Великобритании. Это означает, что модернизация британской государственности путем деволуции включает в себя множество моментов, связанных с проблемами эффективности демократии и запутанной подотчетности, в итоге, способствуя расширению прав и возможностей национальных элит, в том числе, шотландских [25; 32].

Кроме того, следует иметь в виду, что давно подмечена взаимосвязь между трансформацией государственного института и суверенитетом [18; 27]. С одной стороны, суверенитет подразумевает автономное функционирование и национальные интересы государства, но, с другой – появилась убежденность (как следствие глобализации), что суверенитет больше неактуален, учитывая снижение роли национального государства [3; 28]. В итоге традиционный государственно-национальный суверенитет все более вытес-

няется глобалистским наднациональным управлением и переходом к космополитической демократии [2]. Впрочем, даже в таких условиях национализм будет сохраняться (несмотря на то, что его эффективные функции локомотива идентичностей в рамках государственного строительства будут вытесняться глобалистскими процессами). Национализм пока еще обладает потенциалом катализатора политических возможностей при формировании новых моделей регионализма [20] и в борьбе за национально-территориальное самоопределение.

Кроме того, на фоне кризиса неолиберализма некоторые страны-регионы с доминирующим в их этнополитической повестке национализмом (такие как Шотландия, Северная Ирландия, Каталония) прибегают для себя, одновременно, и космополитическую еврофильскую риторику. Это объясняется тем, что их претензии на суверенитет часто приводили к конфликту с глобалистскими правилами «мирового порядка». Отсюда следует, что субгосударственный национализм оказался способен не только сформировать основу для отстаивания этнополитической идентичности, но и вести борьбу за суверенитет до степени разрушения существующей государственной системы. Иными словами, тенденции таковы, что наднациональные силы и создаваемые ими структуры активно отстаивают идею всеобщей стабильности мирового порядка, противоречащую этнополитической повестке тех стран-регионов, которые пытаются бороться за национально-территориальное самоопределение и суверенитет.

Такое положение вещей заставляет задуматься о том, что суверенные государства с исторически сложившейся идентичностью трансформируются в результате подчинения транснациональным требованиям «мирового порядка». Так, например, ЕС несмотря на то, что сам не образует государство, тем не менее, трансформирует внутреннее институционально-функциональное содержание государств-членов, которые остались формально и юридически независимыми, но внутри этих стран взаимоотношения между исполнительной властью и национальными интересами сместились в ущерб последним. Это означает, что наднациональные межправительственные соглашения о соблюдении общих правил ограничивают национальный суверенитет, то есть ответственность государств как субъектов перед собственными народами. Именно такая новая модель отношений между властью и обществом (вызывающая дефицит демократии) получила название «государство-член» [4]. Итогом становится ситуация, в рамках которой наднациональные структуры не оформляются в государство нового типа, подразумевающего инвестиции в национальное самоуправление (как альтернативу глобалистскому космополитическому управлению), но, при этом, трансформируют национальный суверенитет государств-членов до степени его уничтожения.

Что же касается непосредственно шотландского кейса, то, по нашему мнению, критический взгляд на шотландский национализм (в какой-то мере,

равный гражданскому патриотизму) должен начинаться с пределов претензий последнего на суверенитет. Однако все зависит от практических обстоятельств, с которыми Шотландия столкнулась до и после Brexit. Пока же официальный националистический дискурс SNP изображает членство Шотландии в ЕС как основу и гарант шотландского суверенитета, и это утверждение пользуется значительной общественной поддержкой, что заметно по соответствующим лозунгам на фоне значительного оживления шотландского этнополитического пространства.

Роль Шотландии в составе Великобритании всегда была опосредована признанием национально-территориальной автономии [39]. На поверхностном уровне это берет свое начало с Акта о Союзе 1707 года, или даже и «Претензии о праве» («Claim of Right») 1689 года (провозглашавшей суверенитет шотландского народа), вплоть до судебных дебатов по поводу приостановки работы Парламента в 2019 году [38]. После Акта о Союзе роль Шотландии в многонациональном государстве трансформировалась под влиянием Британской империи, в становлении которой шотландцы играли большую роль [14; 29; 30]. Возможно, по этой причине национальный сепаратизм в Шотландии не был всегда очевиден [10]. Даже SNP изначально была привержена государственности, определенной параметрами Союза, а многие высокопоставленные члены и сторонники партии выказывали лояльность к Империи [13]. Сепаратизм же отстаивала небольшая проирландская левая партийная группа. И, все же, вопросы самоуправления и суверенитета присутствовали в этнополитической повестке Шотландии.

Конец Империи совпал со становлением национально-корпоративной государственной модели трансформации Соединенного Королевства [16]. В качестве аналога кейнсианства в управлении появился спрос на региональную политику, направленную, прежде всего, на устранение местных проблем безработицы, где от краха Империи сильно пострадала тяжелая промышленность Шотландии [19; 33; 34]. На этом фоне в британской этнополитике появились новые институты, которые Р. Бреннер называет «пространственным кейнсианством» [6]. В рамках формирующегося корпоративистского национального государства, построенного на переговорах о капитале и труде, возник ряд юнионистских институтов для обеспечения национальных интересов Шотландии. Первоначально означенные институты приняли форму добровольных бизнес-коалиций, которые взяли на себя задачу модернизации стареющих структур тяжелой промышленности Шотландии и решения проблем региональной безработицы, отчасти за счет привлечения внутренних инвестиций. Такие полудобровольные коалиции были призваны играть более явную роль в государственном развитии после войны, с большей примесью представительства рабочего класса. Большая часть этой роли выпала на долю переговорных функций шотландского офиса, шотландских секретарей и местных депутатов. Таким образом, роль Шотландии в послевоенном

корпоративистском государстве была обеспечена запутанной смесью функций представителей различных институций. Здесь важно помнить, что энтузиазм по поводу британскости в значительной степени формировался в режиме имперского космополитизма, который в период крушения Империи быстро отступал. Чуть позже британское государство «подкупило» шотландский пролетариат идеями лейборизма, не выросшего до уровня националистического понимания важности суверенитета. Современный же национализм можно объяснить специфическими идентичностями шотландцев и особенностями государственного развития. В этом смысле наследие Шотландии как ключевого региона, управляющего глобальной империей, оставило следы в виде предпочтений открытости и космополитизма. И наоборот, переход Британии к относительно закрытому кейнсианскому государству, ориентированному на национальное управление, укрепил шотландское этнополитическое самосознание и оставил соответствующие следы в виде национализма [22; 40]. На протяжении послевоенного периода Шотландия была реципиентом британского коллективизма: например, у нее был один из самых высоких показателей социального жилья в Западной Европе. Соответственно, коллективистская тема солидарности продолжает формировать общественное мнение о независимости. Так, по мнению Н. Дэвидсона «Движение за независимость 2014 года» было основано на парадоксальной защите британскости образца после 1945 года [11].

На наш взгляд, шотландский национализм как серьезная сила возник в конце 1960-х годов на фоне кризиса британской национально-корпоративистской государственности. Это совпало с особенностями развития самой Шотландии – упадком местной буржуазии, крахом региональной политики и одновременным открытием нефти в Северном море. Последнее событие дало импульс к актуализации проблемы «шотландской слаборазвитости», этнополитическим следствием чего стал внезапный всплеск популярности SNP, получившей тогда 11 мест в Вестминстере.

С одной стороны, нефть Северного моря укрепила представление о Шотландии как о стране, колонизированной Лондоном, с другой – экономический эффект от открытия нефти заключался в расширении возможностей шотландских демократических сил. Как выразился Г. Браун [7], впервые со времен Союза нефть и политическая реакция на нее изменили баланс влияния внутри Великобритании в пользу Шотландии, предоставив, в частности, шотландскому рабочему движению новые возможности для переговоров с властью. Т. Нэрн утверждает, что нефтяная промышленность как самая крупная, богатая, агрессивная и интернациональная форма капитализма в мире, обеспечила то, чего не смог сделать в Шотландии ранний литературный ренессанс, а именно, создать шотландское народное сопротивление [37]. Впрочем, национализм по-прежнему вызывал поляризацию в этнополитическом климате, который все еще определялся общебританскими

представлениями о солидарности. Таким образом, первый референдум о децентрализованной системе управления в 1979 году не получил достаточной поддержки. Пик доходов от нефти пришелся на период правления М. Тэтчер в начале 1980-х гг., в эпоху массовой безработицы, которая особенно поразила регионы, исторически отмеченные присутствием тяжелой промышленности. Результатом недовольства тогда стала тенденция постоянного нарастания актуализации националистических тем.

При М. Тэтчер безработица достигла беспрецедентного уровня. Шотландия, особенно ее наиболее пострадавшие регионы, продолжала в основном избирать представителей Лейбористской партии, но последние использовали все более воинственную риторику [21; 42]. С другой стороны, силы, ориентированные на стремление восстановить модель корпоративистского государства и получившие эпитет «шотландских лобби», не имели поддержки в Вестминстере, поэтому национально-корпоративная коалиция за передачу полномочий сложилась во главе с шотландскими лейбористами. Эта коалиция основывалась на массовых движениях (например, против закрытия заводов) и на теме суверенитета. В «Претензии о праве» («Claim of Right») 1989 года утверждалось суверенное право шотландского народа определять форму правления, наиболее подходящую его потребностям. Этот документ не был откровенно националистическим, но скорее отражал совокупность взаимосвязанных политически умеренных идей, сгруппированных вокруг Лейбористской партии, либерального гражданского общества и профсоюзной бюрократии. Д. Келлас, наоборот, подчеркивал, что темы «Претензии о праве» по своей сути были федералистскими, а не деволуционистскими: то есть исходили от народа снизу-вверх, и не были делегированием государства сверху вниз [24]. Однако эти темы никогда не рассматривались как сепаратистские, и до референдума 2014 года принципы «Претензии о праве» были подтверждены в Парламенте Шотландии всеми партиями (за исключением консерваторов).

Раскол внутри коалиции возник не из-за конституционных основ, а из-за социальных вопросов. Народная оппозиция тэтчеризму переросла в движение против подушного налога, который (как социальный эксперимент) был навязан Лондоном сопротивлявшейся Шотландии [42]. Это стало одним из двух послевоенных моментов, предшествовавших 2014 году, когда пролетарская идентичность и шотландский патриотизм эффективно соединились для сопротивления политике Вестминстера. Впрочем, разрыв между подлинно народным движением и избирательными фокусами лейбористов был неизбежен. Некоторые считали это расколом рабочего класса, и в равной степени были обеспокоены тем, что гражданское неповиновение погубит респектабельную коалицию интересов, отстаивающую альтернативные стратегии государственного развития, лежащие в основе долгого пути к передаче полномочий [5]. Эти внутренние процессы открыли новые возможности

для усиления националистической повестки, которая имела все шансы соединиться с этнополитическим самосознанием народа Шотландии. Краткосрочные последствия всех этих противоречивых процессов повлекли за собой шоковые выборы депутатов от SNP на места в Глазго, а в долгосрочной перспективе – формирование новых этнополитических представлений о роли рабочего класса в Шотландии, что повлияло на деволуционную политику, а позже и на кампанию «Да» на референдуме 2014 года.

Таким образом, на фоне антитэтчеризма в этнополитическом дизайне шотландского национализма сформировались две переплетающиеся силы, каждая из которых претендовала на то, чтобы отстаивать подлинный суверенитет народа Шотландии и направлять шотландское самоуправление против угнетателей. Одной из этих сил стала лоббистская элита, сгруппировавшаяся вокруг Лейбористской партии. Другая сила оказалась прародительницей современной коалиции «Да», черпавшей чувство аутентичности из собственных заявлений о том, что она представляет интересы безработных и политических аутсайдеров.

На наш взгляд, понять означенные процессы можно только в контексте современных трансформаций традиционной государственности (в том числе, британской). Усилия по встраиванию шотландских этнополитических сил в государственные институты достигли барьеров, связанных с концом Империи, упадком местной буржуазии и решимостью части правящего класса Великобритании использовать глобализацию для навязывания государственной рыночной дисциплины вопреки требованиям рабочих и интересам населения регионов (например, Шотландии). Именно на этом этапе партийная элита SNP начала активно склонять шотландцев к европейской самоидентификации.

На самом же деле историческая связь между настроениями шотландского народа и Европой возникла на удивление не так давно, совпав с более очевидным влиянием на Шотландию широких трансформаций в британском государстве, о которых шла речь выше. Поэтому еврофильство в Шотландии можно отнести к 1980-м гг., т.к. еще в конце 1970-х гг. и, возможно, даже в начале 1980-х гг. шотландские избиратели и политики были более враждебно настроены к европейскому проекту, чем их английские коллеги [42].

Шотландское еврофильство берет свое начало в реформах М. Тэтчер. Это может быть связано с неспособностью промышленного сопротивления оказать достаточное влияние на тэтчеристскую политику, разорвавшую предполагаемый социальный контракт британского государства с шотландским пролетариатом, которому изначально гарантировались рабочие места, чтобы успокоить шотландское общество. В результате различные левоцентристские силы Шотландии начали ориентироваться на ЕС. Этот этнополитический вектор потенциально содержал в себе надежду на уничтожение зависимости от Вестминстера, который при М. Тэтчер превратился для Шотландии из источника средств существования в истощение шотландских ре-

сурсов. Кроме того, центральной темой тэтчеризма стал дефицит демократии, который начал входить в противоречие с шотландской этнополитической идентичностью и препятствовать способности Шотландии сделать так, чтобы ее голос был услышан в мире (в отличие от Лондона Брюссель хорошо прислушивался к таким голосам). В результате британские левые признали поражение в своих прежних попытках справиться с безработицей и навязать социальное и региональное равенство. Вместо этого основное внимание было обращено на государственную трансформацию, вылившуюся в проект децентрализации и передачи полномочий (деволюции). Национально-территориальная архитектура современной Шотландии сформировалась в рамках, описанных выше процессов.

Передача полномочий была оформлена как восстановление национального суверенитета Шотландии, не находившего прежде полного этнополитического выражения в институциональных структурах Великобритании. Деволюция породила представительские атрибуты народного движения, охватившего гражданские институты Шотландии, профсоюзную бюрократию и лидеров политических партий. Однако передача полномочий таила в себе государственные изменения, связанные с более широкими процессами либеральной глобализации. Например, Г. Браун и Д. Александер утверждают, что законодательство о полномочиях Парламента Шотландии направлено на повышение благосостояния шотландского народа не в условиях экономики, защищаемой традиционным национальным государством, а в условиях новой глобальной экономики с ее многоуровневыми институтами [1]. Такое толкование показывает наличие неких общих оснований у передачи полномочий и членства в ЕС как процессов, сопровождающих упадок традиционного национального суверенитета и обусловленных глобализацией. Из этого следует, что традиционные формы функционирования государственного института теряют свою эффективность, поскольку национальные государства подвергаются воздействию новых сложных наднациональных космополитических сил. Следовательно, британская передача полномочий сопровождалась явной деполитизацией национальной экономики, поскольку политический контроль неотделим от национального корпоративизма. Таким образом, все указывает на противоречие между национальным шотландским суверенитетом и глобальными процессами трансформации традиционной государственности.

И все же, обиды эпохи М. Тэтчер породили чувство шотландской обособленности. То, что изначально задумывалось левоцентристскими силами как средство для достижения цели (контроль Шотландии над собственными ресурсами для спасения своей промышленности), стало самоцелью. Движение же за создание шотландского Парламента выросло из недовольства массовой безработицей и желания восстановить национально-корпоративный контракт с государством, согласно которому правительство несло особую ответственность за распределение рабочих мест в Шотландии.

Впрочем, Парламент Шотландии оказался уязвимым перед элитами транснационального капитала [32]. Передача полномочий была еще и следствием более широких процессов неолиберализации, вытекавших из кризиса либерализма. Деволюция не остановила рост неравенства и финансовализацию шотландской экономики, а деволюционный проект Лондона основывался на неспособности Шотландии как традиционного национального государства оказать серьезное влияние на регулирование экономической деятельности. В итоге лоббистские усилия неолибералов обеспечили влияние корпоративных интересов и гарантировали, что Парламент Шотландии никогда не поставит под угрозу посттэтчеровское урегулирование общebritанских механизмов распределения богатства и доходов. Хотя, в равной мере, это открыло возможность неолиберальному лоббизму добиться прогрессивных социальных реформ.

Тем не менее, передача полномочий сопровождалась снижением этнополитической мобилизации [21; 33], а Парламент Шотландии обозначил курс на национальное восстановление путем большей конкурентной адаптации к глобализации. Были разработаны новые формы гражданства и интеграции, ориентированные на фигуру предприимчивого гражданина. Все это сопровождалось неолиберальной технократической самокритикой государственной власти, которая предполагала, что национальный дух Шотландии ослаб из-за враждебности к предпринимательству. Стала формироваться новая этика, призванная облегчить положение малого и среднего предпринимательства. Национальная культура и традиционные институты тоже были переосмыслены, чтобы соответствовать потребностям глобального консенсуса (как цели действия деволюционных механизмов). Они стали открытыми для критического осмысления, измерения и неолиберальной модернизации, если их функционирование начинало противоречить задачам стимулирования предпринимательства и экономического роста. Тем не менее, глобальный консенсус не устраивал шотландских националистов, этнополитические взгляды которых институционализировались в программных документах SNP. Отметим, что принципиальные возражения националистов против передачи полномочий стали концептуально оформляться в связи с вопросом о значимости экономического суверенитета, который, по мнению тех же лейбористов, является излишним.

Под руководством Алекса Салмонда SNP сориентировалась на ирландскую экономическую модель «кельтского тигра», предполагающую, что небольшие предприятия в широком экономическом пространстве могут достичь экономического подъема за счет снижения корпоративных налогов и дерегулирования. Собственно, у Ирландии есть одно разительное отличие от Шотландии: первой не управляют из Лондона. Поэтому понимание А. Салмондом значимости шотландского экономического суверенитета в контексте процессов глобализации определялось следующей логикой. Имея преимущество

полного независимого членства в Европейском Союзе, SNP могла бы использовать членский статус своей страны для привлечения ресурсов с целью проведения политики, которая приносила бы пользу народу Шотландии, а шотландские власти могли бы контролировать национальную налоговую политику, приводя ее в соответствие с международными требованиями.

Последующая эволюция еврофильства как характерного элемента этнополитического дизайна шотландского национализма отражала особый дискурс национальных властей. И. Линдси, ключевой академический сторонник SNP и критик европейского проекта, предположил, что перспектива независимого членства в составе ЕС рассматривается как часть модернизационного процесса, позволяющего укреплять суверенитет и политическую активность Шотландии [26]. Правда, данная точка зрения не учитывает тот факт, что в условиях трансформации традиционной государственности, Европа может изменить в Шотландии исторически сложившиеся отношения между обществом и политикой.

В итоге в шотландском национализме сложились внутренние противоречия, во многом схожие с противоречиями в лейборизме. Оба унаследовали все то, что возникло в результате антитэтчеристского национально-народного сопротивления. Поэтому шотландские националисты не сомневались, что автономный Парламент был законным институциональным следствием означенных процессов. Кроме того, и националисты, и лейбористы считали ирландскую экономическую модель «кельтского тигра» образцовым ориентиром построения будущего Шотландии. И первые, и вторые оценивали правление М. Тэтчер в одинаковых терминах. По мнению Д. Александра и Г. Брауна, шотландцы считали неприемлемым для своей страны-региона в составе тэтчеристской Британии отсутствие приверженности Лондона принципам социальной справедливости [1].

Напрашивается вывод о том, что этнополитический дизайн шотландского национализма начал активно эволюционизировать под влиянием трансформаций традиционной государственности. В Великобритании соответствующие изменения прошли в XX-XXI вв. ряд этапов. На этапе Империи в Шотландии доминировали либеральные юнионисты и консерваторы, а во время национально-корпоративной фазы и после тэтчеристской доминировали лейбористы, роль которых в сопротивлении тэтчеризму через корпоративный альянс в рамках передачи полномочий обеспечила им устойчивую легитимность как партии шотландской государственности. Однако их кульминационный проект деволюции нес в себе двойственность и противоречия. С одной стороны, они представили передачу полномочий как восстановление национального суверенитета Шотландии, устраняющее возможность дефицита демократии и позволяющее находить шотландские решения шотландских проблем. С другой стороны, подчеркивалась пассивность национального государства перед лицом сил глобализации. Таким образом, дево-

люция представляла собой, своего рода, гибрид восстановления этнополитических прав шотландцев и признания невозможности контроля народом Шотландии процесса суверенного развития своей страны перед лицом глобальных экономических сил. Привело это к тому, что во время референдума 2014 года (и после него) шотландские лейбористы в вопросе национально-территориального самоопределения Шотландии стали, по сути, проводниками политики Вестминстера. И, хотя националисты, в сущности, референдум 2014 года проиграли, образ SNP в то время явно выигрывал в глазах всех патриотически настроенных шотландцев.

Сегодня же этнополитический дизайн шотландского национализма снова меняется под воздействием Brexit, социальная основа и политические последствия которого исследованы [17; 43]. Стоит подчеркнуть, что поддержка Brexit у простых шотландцев была выше, чем можно было бы предположить, т.к. до 2016 года эксперты констатировали лишь незначительные различия в Шотландии и Англии. Более того, к неудобству националистов, Brexit привлек немалое количество избирателей, проголосовавших в 2014 году за национальный суверенитет. Шотландские элиты, независимо от партийных предпочтений, тоже оказались единомышленными в еврофильстве.

Тем не менее, противостояние Brexit со стороны большинства шотландцев сформировалась, все же, под влиянием конкурирующей суверенистской кампании – Движение за независимость Шотландии. Это позволяет предположить, что напористое мнение шотландского националистического руководства и вопрос о независимости оказали большое влияние на итоговый результат.

Для нашей же проблематики важно, что эффект Brexit заключался в изменении шотландской националистической самоидентификации. Во время кампании 2014 года движение «Да» часто представлялось опасным или пустословным. Общей темой было то, что суверенитет является излишним и неуместным в глобализирующемся мире, что независимость – концептуальная ошибка, а традиционное национальное государство – это неуместная конструкция XVII века (а автономное национальное государство – еще более неподходящая для глобального мироустройства модель). Результатом Brexit стала отмена такой неолиберальной критики. Как все английские избиратели, так и сам Вестминстер подверглись со стороны шотландских националистов обвинениям в отсталости¹. И наоборот, изменилось отношение к SNP, поскольку партия обнаружила вновь обретенную респектабельность, отражающую ее роль в противодействии Brexit. Ведущие издания, которые ранее осуждали идею независимости Шотландии, перешли к симпатиям в отношении националистического шотландского правительства (тогда еще, во главе

¹ Penny L. I want my country back. 2016. URL: <https://clck.ru/3DNrkZ> (дата обращения 22.04.2024).

с Николой Стерджен). На данном же этапе притязания на суверенитет Шотландии остаются неотъемлемой частью привлекательности шотландского националистического Правительства. Руководство SNP продолжает заявлять, что с обретением независимости Шотландия будет контролировать 100% своих национальных ресурсов.

Мы постарались показать, что этнополитический дизайн шотландского национализма формировался в непростых условиях трансформации традиционной государственности. С 1990-х гг. эта тема стала центральной в националистических заявлениях о недовольстве доминированием Вестминстера. Этнополитическое пробуждение стало ключевым механизмом восстановления экономического контроля шотландцев над богатствами собственной страны. На первый взгляд, такая цель независимости должна была укрепить неолиберальную концепцию восстановления экономического здоровья Шотландии по ирландской экономической модели «кельтского тигра». Тем не менее, риторика SNP отчетливо утверждает, что экономические решения должны быть связаны с суверенным контролем народа Шотландии над экономическими вопросами¹. Иными словами, центральное место в националистической повестке SNP заняли экономический и этнополитический популизм.

Однако идет развитие концептуальных подходов SNP. В Комиссии по устойчивому росту, созданной для переориентации националистического экономического послания, тема национального контроля приобрела новый смысл. Националисты начали переориентировать свои управленческие цели не в направлении усиления национального контроля, а в сторону сохранения суверенитета в контролируемых пределах. В упомянутом документе вполне одобрительно упоминаются меры контроля, введенные международными институтами². По сути, мы видим, что шотландский национализм начал ориентироваться на концептуальную логику развития государства-члена, в соответствии с которой страна получает дополнительные возможности реагировать на глобальные вызовы, демонстрировать устойчивость управления, обеспечивать стабильность политических процессов, и, как следствие, достигать более высоких стандартов жизни³. Самым ярким предложением националистов в этой связи стала стратегия стерлингизации, что представляет собой радикальный шаг даже по сравнению с денежной системой государств-членов ЕС. Согласно этому предложению, независимая Шотландия в одностороннем порядке обязуется использовать британский фунт стерлингов в течение длительного переходного периода. Фактически это означает пере-

¹ Scottish Government. Scotland's Future. Edinburgh: Scottish Government. 2013. URL: <https://www.gov.scot/publications/scotlands-future/> (дата обращения 22.04.2024).

² The Sustainable Growth Commission Scotland – the New Case for Optimism. A Strategy for InterGenerational Economic Renaissance. Edinburgh: Sustainable Growth Commission. 2018. URL: <https://mercinon.files.wordpress.com/2020/05/cae93-sgcfullreport.pdf> (дата обращения 22.04.2024).

³ Там же. Р. 10.

дачу денежно-кредитной политики и ключевых механизмов финансового управления трансформированному британскому государству (как преемнику Соединенного Королевства). При этом Шотландия будет подчиняться решениям, принимаемым извне Банком Англии. Идея стерлингизации является крайним случаем даже по сравнению с другими двусмысленностями, возникающими вокруг шотландского суверенитета, поскольку Шотландия, в таком случае, после обретения независимости получит меньший контроль над собственными ресурсами, чем при юнионистском формате отношений с Лондоном. Есть и иные сферы, например, военная, где SNP решила, что Шотландия должна вступить в НАТО. Отметим, что до недавнего времени националисты вели речь о внеблоковом статусе независимой Шотландии. Более широкий смысл описанных перемен в этнополитическом дизайне шотландского национализма заключается не просто в том, что утверждение суверенитета Шотландии по своей сути предполагает уступки в пользу глобального управления. Более глубокая проблема заключается в том, что такая стратегия, взятая за основу национально-территориального самоопределения, заранее (до фактического обретения независимости) закрепляет тип суверенитета, присущий постдемократической эпохе с ее разделением общества и власти [31].

Мы вынуждены констатировать, что нынешние подходы руководства SNP к стратегии борьбы за национально-территориальное самоопределение Шотландии свидетельствуют о существенных изменениях в этнополитическом дизайне шотландского национализма. Прежние националистические лозунги, которые характеризовали мобилизацию кампании «Да» в 2014 году, теперь заменены риторикой, призывающей к стабильности, порядку и национальному единству, основанным на скромной практике управления, не отличающей националистов от лейбористов (предшественников SNP как правящей партии Шотландии). Кроме того, в каждом секторе управления SNP ощущается влияние крупного бизнеса и глобальных корпораций. Стремясь защитить интересы немногих влиятельных людей и структур, националисты рады покинуть рабочие сообщества под предлогом того, что руки SNP связаны правилами ЕС. Настоящая причина, на наш взгляд, заключается в том, что руководство SNP одержимо стремлением сблизиться с Брюсселем, хотя шансов на скорейшее вступление Шотландии в ЕС практически нет [35]. Таким образом, шотландский национализм сегодня, с одной стороны, развивает темы, присущие неолиберальной эпохе глобализации, с другой – сочетает формальную приверженность проекту независимости Шотландии с еврофильским навязыванием шотландской этнополитической повестке концепции государства-члена.

Что же касается процессов трансформации традиционной государственности, в условиях которых эволюционизировал этнополитический дизайн шотландского национализма, то, с одной стороны, Великобритания в рамках означенных процессов сохранила некоторые важные аспекты суве-

ренитета традиционного государства. С другой стороны, многонациональный характер Соединенного Королевства, который ранее был нивелирован лояльностью разных народов в пределах одной Империи (или внутри национально-корпоративного государства), вновь заявил о себе в ответ на кризис института классового представительства. В Англии (и, в меньшей степени, в Уэльсе) плебисцит по Brexit позволил проявить народный суверенитет, вырвавшийся из устоявшихся рамок парламентской политики. В Шотландии же ранее существовавшее национально-популистское движение столкнулось с Brexit, отреагировав на него как на захват власти Вестминстером (такая реакция шотландцев, кстати, заставляет задаться вопросом о том, как претензии народа на суверенитет связаны с этнополитической повесткой, в том числе, в ее националистическом воплощении).

Таким образом, процесс передачи полномочий в Великобритании оказался схожим с процессом антидемократического воздействия ЕС в отношении государств-членов – наметилась институциональная трансформация, предполагающая навязывание рассредоточенной, многоуровневой структуры подотчетности, подрывающей традиционные модели национальной государственности. Безусловно, сходство между передачей полномочий в Великобритании и управленческими подходами в рамках реализации концепции «государство-член» как двумя способами государственной трансформации требует дальнейшего изучения.

Шотландия же пока остается страной-регионом, где сохраняется движение за устранение дефицита демократии. Это движение воодушевляется чувством суверенитета, проистекающим частично из мифологизированного средневековья, но главным образом из последних пяти десятилетий шотландского народного сопротивления диктату Лондона. Сегодня борьба Шотландии за национально-территориальное самоопределение подпитывается в противовес Brexit – проекту, который сам по себе призван восстановить национальную автономию традиционного государства. Результатом же эволюции этнополитического дизайна шотландского национализма стало формирование национального блока, построенного на мифе о космополитической идентичности шотландцев, и мы вполне допускаем, что это может оказаться более мощной силой, нежели теряющая популярность SNP.

References

1. Alexander D., Brown G. *New Scotland New Britain*. London: Smith Institute. 1999. 47 p.
2. Beck U., Grande E. *Cosmopolitan Europe*. Cambridge: Polity. 2007. 328 p.
3. Bickerton C., Cunliffe P., Gourevitch A. *Politics Without Sovereignty: A Critique of Contemporary International Relations*. London: Routledge. 2006. 224 p.
4. Bickerton C.J. *European Integration: From Nation-States to Member States*. Oxford: Oxford University Press. 2012. 217 p.
5. Booth S.A., Moore C. *Managing Competition: Meso-Corporatism, Pluralism, and the Negotiated Order in Scotland*. Oxford: Oxford University Press. 1989. 184 p.
6. Brenner N. *New State Spaces: Urban Governance and the Rescaling of Statehood*. Oxford: Oxford University Press. 2004. 351 p.
7. Brown G. Introduction: the socialist challenge. In: *The Red Paper on Scotland*. Edinburgh: EUSPB. 1975. P. 7–21.
8. Cunliffe P. *The New Twenty Years' Crisis: A Critique of International Relations, 1999-2019*. Montreal: McGill-Queen's Press. 2020. 168 p.
9. Curtice J. *How Deeply Does Britain's Euroscepticism Run?* London: Natcen Social Research. 2016. 20 p.
10. Davidson N. *The Origins of Scottish Nationhood*. London: Pluto Press. 2000. 144 p.
11. Davidson N. *Scottish watershed*. *New Left Review*. 2014. №89(2). P. 5–26.
12. Davidson N., Liinpää M., McBride M. et al. *No Problem Here: Understanding Racism in Scotland*. Edinburgh: Luath Press Ltd. 2018. 240 p.
13. Finlay R.J. "For or against?": Scottish Nationalists and the British Empire, 1919–39. *The Scottish Historical Review*. 1992. №71. P. 184–206.
14. Finlay R.J. *The rise and fall of popular imperialism in Scotland, 1850–1950*. *Scottish Geographical Magazine*. 1997. №113(1). P. 13–21.
15. Giddens A. *Nation-State and Violence*. Cambridge: Polity. 1985. 408 p.
16. Glass B. *The Scottish Nation at Empire's End*. London: Springer. 2014. 311 p.
17. Goodwin M.J., Heath O. *The 2016 referendum, Brexit and the left behind: an aggregate-level analysis of the result*. *The Political Quarterly*. 2016. №87(3). P. 323–332.
18. Grimm D. *Sovereignty: The Origin and Future of a Political and Legal Concept*. New York: Columbia University Press. 2015. 195 p.
19. Halkier H. *Institutions, Discourse, and Regional Development: The Scottish Development Agency and the Politics of Regional Policy*. London: Peter Lang. 2006. 602 p.
20. Harvie C. *The Rise of Regional Europe*. London: Routledge. 2005. 108 p.
21. Hassan G. *Strange Death of Labour Scotland*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 2012. 368 p.
22. Hearn J. *The social contract: re-framing Scottish nationalism*. *Scottish Affairs*. 1998. №23(1). P. 14–26.
23. Heartfield J. *The European Union and the End of Politics*. London: Zero Books. 2013. 329 p.
24. Kellas J.G. *The Scottish constitutional convention*. *The Scottish Government Yearbook*. 1992. P. 84–96.
25. Law A., Mooney G. *Devolution in a 'stateless nation': nation-building and social policy in Scotland*. *Social Policy & Administration*. 2012. №46(2). P. 161–177.
26. Lindsay I. *The SNP and the Lure of Europe*. In: *Nationalism in the Nineties*. Edinburgh: Polygon. 1991. P. 84–101.
27. Loughlin M. *Why sovereignty?* In: *Sovereignty and the Law: Domestic, European and International Perspectives*. Oxford: Oxford University Press. 2013. P. 34–49.
28. Loughlin M. *The erosion of sovereignty*. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2016. №45(2). P. 57–81.
29. MacKenzie J.M. *Empire and national identities: the case of Scotland*. *Transactions of the Royal Historical Society*. 1998. №8. P. 215–231.
30. MacKenzie J.M., Devine T.M. *Scotland and the British Empire*. Oxford: Oxford University Press. 2017. 240 p.

31. Mair P. *Ruling the Void: The Hollowing of Western Democracy*. London: Verso. 2013. 160 p.
32. McCafferty P., Miller D., Davidson N. *Neoliberal Scotland: Class and Society in a Stateless Nation*. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing. 2010. 470 p.
33. McCrone D. *The New Sociology of Scotland*. London: SAGE. 2017. 736 p.
34. McCrone G. *Regional Policy in Britain*. London: Routledge. 2017. 280 p.
35. McKenna K. SNP Neo-liberalism must be fought, but we cannot while in the Uk. 2020.
36. Meer N. Looking up in Scotland? Multinationalism, Multiculturalism and Political Elites. 2015. №38(9). P. 1477–1496.
37. Nairn T. *The Breakup of Britain*. London: Verso. 1975. 464 p.
38. O'Neill A. The Sovereignty of the (Scottish) people: 1689 and all that. *Judicial Review*. 2013. №18(4). P. 446–463.
39. Paterson L. *The Autonomy of Modern Scotland*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1994. 220 p.
40. Thompson E.P. The moral economy of the English crowd in the Eighteenth Century. 1971. №50. P. 76–136.
41. Tilly C. *Coercion, Capital, and European States, Ad 990-1992*. Oxford: Blackwell. 1992. 228 p.
42. Torrance D. *We in Scotland: Thatcherism in a Cold Climate*. Edinburgh: Birlinn. 2009. 324 p.
43. Virdee S., McGeever B. Racism, crisis, brexit. *Ethnic and Racial Studies*. 2018. №41(10). P. 1802–1819.